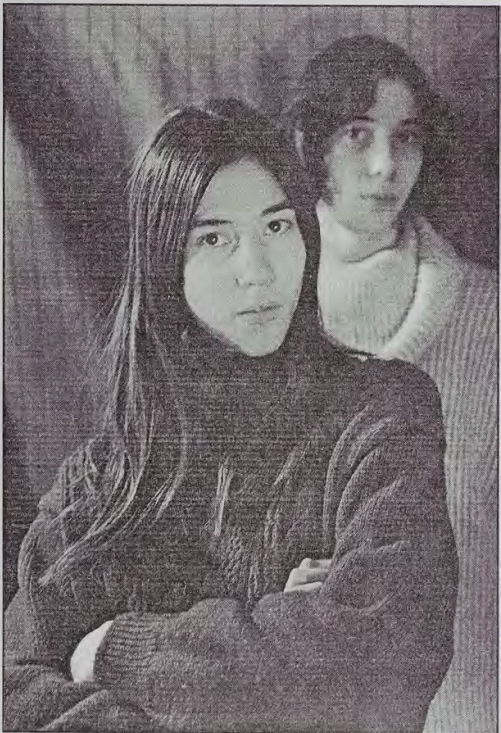

*Век закрыт. Захлопнулась калитка
в Пышный сад былого Бытия.
Ветер с поля да с небес молитву
чутко слышит русская земля.
Стихло все. И солнечность, и лунность
ждут иных напевов и молитв.
И смеется красота и юность,
Что им век? Им новый сад открыт!*

Фотоработы Виктора Дианова.

Вначале было Слово...

ШИТА

литературная

№ 1 (35)

Январь 2000 г.

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

ГРЯДУЩЕМУ ВЕКУ

Золото века никогда не было на земле. И духовная жизнь народа не укладывается во временные рамки эпох или общественно-исторических формаций. Беломраморная античность жила и в мрачном духом Средневековья, и роскошно благоухала в светлое время Возрождения, и до сих пор богатырский мир богов и героев, полководцев и философов остается кастальским источником вдохновения.

Сегодня для многих из нас художественно обозначилось: с отменой прошлых заблуждений. Отечество не упразднить. Есть земля нашей родины, темная от крови и пота народного, горькая от соли прозрений, святая, грешная и праведная. И Бог не может попустить землю, взрастившую такой отчаянный и великий народ. Есть, наконец, русский язык, пра-отец всей на-

шей духовной культуры, истории и памяти, не говоря уже об изысканности.

Размышляя о веке уходящем, подсудно чувствуешь неотменимость духовного Бытия прошлых поколений. То, о чем пел и плакал, чем счастливо дышал и над чем смеялся народ до революции и до «перестройки», по-прежнему живо, памятно, дорого сердцу российского человека. Тотальный натиск урра-публицистов на историю и философию, искусство и литературу периода СССР оказался непродуктивным и несостоятельным по самой природе воинствующего отрицания и захватской пляски на костях отцов.

Десятилетие, которое потрясло Россию политически и экономически, погнуло, но не сломало духовное древо россиян: народ, отринув здравницы в

Михаил
Визиников,

шеф-редактор

честь КПСС и «кремлевских старцев», по-прежнему продолжает любить и ценить старые фильмы, песни и книги, приветствовать то новое, отмеченное даром Божиим и звездой таланта, что появляется в творческой России.

В целом же, к сожалению, мало чести для нашей вечно либеральной и оппозиционной интеллигенции. Потеряв бытийную основу, оглушенные событийным грохотом эфира, смутой в умах и расхристанностью столичной

(Окончание на 2-й стр.)

СЕЗОН НОВЫХ СТИХОВ

Судьба забросила первого «соловья Забайкалья», известного русского поэта Николая Савостина, в Молдавию, откуда он недавно написал неуверенным почерком: «...теперь уже вряд ли удастся увидеть Онон и Ингоду, проехать по дорогам милого Забайкалья». Пусть же звучит в «Ч.Л.» соловьиный голос Николая Сергеевича, лучшего поэта нашего края в 50-е годы.

СОСЕДИ

Одни бежали от войны,
Свою спасая шкуру,
Другие рвались на войну,
По мнению первых, — сдуру.
Ах, умник, — ловко уберег
Себя, живет примерно.
Сосед же лег под бугорок
Под звездочкой фанерной.
В полях войны собрали прах,
Перенесли в столицу,
И страж не дремлет на часах
Над этою гробницей.
Ушла в кино-туман война,
И страсти поостыли.
Виновных нет — войны вина,
Что тот, другой, в могиле.
Стареев, скрывший жизнь свою
За справочкою липовой.
А мать погибшего в бою
Всю жизнь по сыну всхлипывая.
Дворец, собаку на цепи
Он приобрел заслуженно,
Значок какой-то нацепил
И врет про фронт за ужином...

КОНТРОЛЬНЫЙ УЛЕЙ

В прибое цветения пчелам разгулье,
День зноен и липовым цветом пропах.
На улочке пасеки крайний из ульев
Приподнят слегка на контрольных весах.

Веса, что обычны под крышей амбара,
Где бочки, мешки, — неожиданны здесь.
Попробуй с их помощью граммы нектара,
Добытые шустрыми пчелами, взвесь.
Но как подскочило весов коромысло
От тяжести вольного промысла пчел.
Орудя гириями, пасечник в числа
Секреты цветения не перевел.
Как шатко, как все переливчато
в мире.
Уж ночь, а закат не уймется никак.
И этот, стремящийся с помощью гири
Вселенную уравновесить, чудак.

ПОДРАЖАНИЕ МОЛДАВСКОМУ

Между нами с тобой семь холмов,
Семь холмов и лесок зеленеев,
Среди леса поляна одна,
Каждый год земляника там зреет.
Земляника привольно цвела.
Да заглохла под тенью бурьяна.
Между нами с тобой семь холмов,
Семь холмов и сухая поляна.
Отделили тебя от меня
Не какие-то горные пики —
Семь холмов, семь холмов,
семь холмов
И поляна, где нет земляники.

Николай
Савостин

***

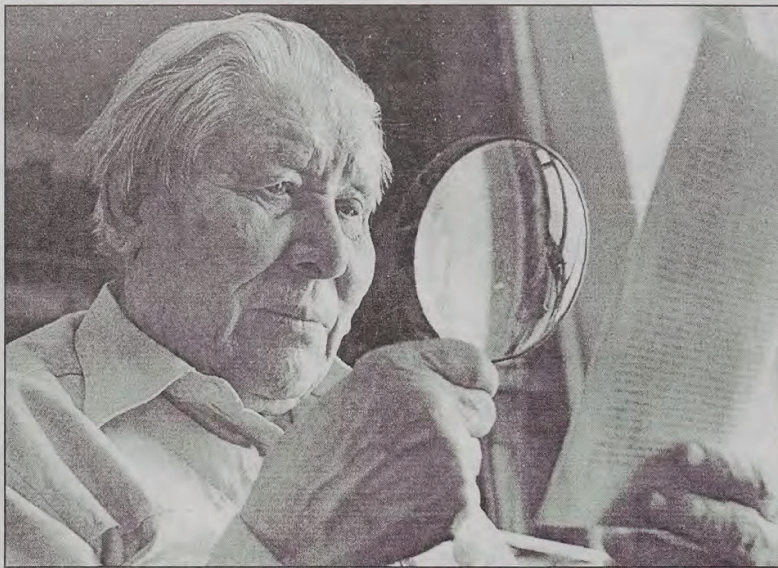
Мне любо небо Азии —
И ясное, и темное.
В его многообразии
Живет душа огромная.
В огне зеленом зори
И в пламени багряном
Задумались над морем,
Точней — над океаном.
Над сопками валы
Вверх — за гребнем гребень —
Плывут, белым-белы,
Как отраженье в небе.
Сияние рябое
Мерцающих небес
Ласкает под собою
В снегах тревожный лес.
Как бел пушок на синем —
Намек на облака
В обугленной пустыне
Среди материка.
Или закат в навалах
Туч, облаков, дымов,
Играющий Байкалу
Свой эпос в сто томов.

С НОВЫМ ДВУХТЫСЯЧНЫМ!

9 января 2000 года российскому писателю Василию Ивановичу Балябину исполнилось бы сто лет.

Участник всех литературных праздников в Чите Василий Иванович на «Забайкальской осени» 25 лет назад.

Михаил
Визицкий

**ПРИТЧА О ПИСАТЕЛЕ
БАЛЯБИНЕ**

Старик Балябин четко понимал
Сей жизни околесицу.
Он говорил: «Велик ты или мал —
Храни серебряную лестницу,
Когда наступит твой черед,
По ней пойдешь до звездной
звонницы.
Мир обернется задом наперед
И за тобой, как черт, погонится.
Старик Балябин шашку вынимал
И подтверждал: «Смотри — тяжеляя.
По ней мой век бежал кроваво-ал
И даже выточил два желоба.
А не догнал. Я вверх ушел, как свет,
Перелетел через ухабины.
Не успеешь мародерам, нет! —
За славу старика Балябина»
Тунгусский глаз прищуривал хитро.
И глядя шашку, как ровесницу,
Вплетал таланта злато-серебро
В свою серебряную лестницу.
... Мораль сей притчи, в общем,
такова:
Талант, он к Богу ходит по дрова!

**ГРЯДУЩЕМУ
ВЕКУ**

(Начало на 1-й стр.)

да и провинциальной творческой среды, многие писатели, артисты, художники, музыканты панически отступили с битвы на Духовном поле.

И не творчество умерло в эти годы. Отмирала существование большевистско-рапповская идеология, политизированная беспеллетристика, заказные романы, картины, спектакли, песни, всевозможные «агитки» исторического и философского значения! И слава Богу!

Грядущему веку, на мой взгляд, не нужны произведения про «шахтеров и стюардесс, моряков и сталеваров». Появилась острая потребность в художественном исследовании современного человека. Все больше и больше обществоведение трансформируется в человековедение. И здесь возникает еще одна проблема: поставив на боковую личность и индивидуум, творец как бы индивидуализируется сам, отворачивается объективное в пользу собственного видения мира: так я понимаю, так думаю, так творю.

И встают из виртуальной преисподни призраки страха, крови, насилия, распада, тлена и пессимизма. Вновь правит бал постмодернизм, поток сознания, антигуманистические концепции романов-кентавров, в которых смешано добро и зло, правда и ложь, геройство и злодейство. По ту сторону смысла все дозволено: антимузыка, антиживопись, антикультура.

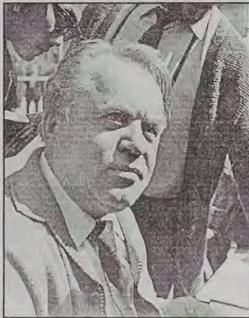
Это только в детской песенке поется «прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко». Грядущий век будет жестокой битвой между компьютерными, технократическими творениями и живым письменным словом. Вероятно, письменные творцы потеряют поражение и Слово останется, как рептилия, предметом изучения чудиков-языко-творцев.

Очевидно, гнилостно расцветет шоу-поэзия и шоу-живопись, вообще шоу-искусство для масс, самопальное мародерство, где каждый сам себе Пушкин, где «плачут богатые», где песни поют политики, пляшут депутаты, музицируют министры...

Конечно, не все пессимистические прогнозы сбываются. Дай-то Бог! Золотое наследие российской истории и культуры, искусства и литературы можно промотать, но умертвить нельзя. Дай Бог, чтоб и нас, творивших в двадцатом веке, помянули Словом. А каким — «нам не дано предугадать...» Что Бога нет, что обнищали души — Есть ложь и неустройство этих лет. Я блеск таланта чувствую в грядущих, Летящих в бездны,

по земле бредущих,
И, дай нам Бог, увидеть этот свет!

30 декабря — день рождения старейшего журналиста, забайкальского писателя Григория Григорьевича Кобякова. Сейчас бы ему было восемьдесят лет.

В литературу Григория Кобякова привела журналистика. Именно с газеты, с журнальных публикаций началась проба сил.

В 1958 году в Читинском книжном издательстве вышла первая книга Григория Кобякова «Гордая песня» — сборник охотничьих рассказов и зарисовок.

В последующие годы вышел еще целый ряд книг Григория Кобякова, в их числе повесть

«Лирическая тетрадь», роман «Кони льют из Керулена», по мотивам которого написана одноименная пьеса, книга очерков «Обелиски» и др.

Сейчас автор готовит к изданию новую книгу — документальную повесть о Монголии «Белая юрта».

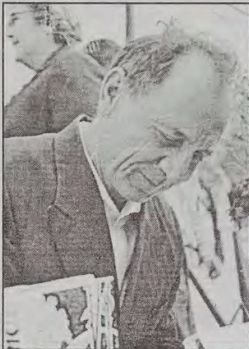
Член Союза писателей с 1966 года.

Текст из справочника
«Литературное Забайкалье»,
вып. 1979 г.

Григорий Кобяков в расцвете жизненных и творческих сил. «Забайкальская осень», Чита, 1975 г.

Месяц назад Виктору Брониславовичу Лавринайтису, забайкальскому прозаику, исполнилось 80 лет.

Дорогой Виктор Брониславович! Двадцать четвертого ноября одна тысяча девятьсот пятнадцатого года ты появился на свет. Следовательно, сейчас тебе восемьдесят четыре! Солнечный возраст, ты можешь им гордиться. Как поется в песне: «Твои года — твоё богатство». Мы не очень верим такому богатству, но время нас не понимает. А вообще — лучше быть молодым, иметь кучу книг, кучу денег... Да, книги у тебя есть, довольно много. Мы это хорошо знаем. А что денег нет — тоже известно.

Ты, Виктор Брониславович, — писатель от Бога. Мы говорим об этом честно, прямо. Станция Мозгон, где ты жил довольно долго, стала трамплином твоих первых произведений. Темы, сюжеты, правдивость, художе-

ственность слова, простота письма в народном стиле — все эти плюсы привораживали читателя к твоим книгам. Не одно поколение воспиталось на повести «Падь золотая», на романе «Лесная быль». Это лучшие твои произведения, ты можешь гордиться ими.

Так было долгие годы. За ними последовало не менее долгое молчание. А надо наоборот: при теperешней необъявленной войне в России твой талант может быть грозным оружием против мракобесия, развязанного враждебными силами нашей Родины. Мы призываем тебя обнажить свой меч влиться в ряды сражающихся — за святое дело Отчизны. Как призывали тебя твои дети, когда хотели от тебя чего-то необычного:

«Лавринайтис — постарайтесь!» Мы тоже просим об этом. Газета «Чита литературная» с удовольствием напечатает твои рассказы, очерки, ну, а книги... Найдем доброго человека, который не только кладет деньги в карман, но и носит в них томики наших произведений. Есть такие люди, не оскудела земля забайкальская!

Мы виноваты перед тобой, что не отметили твоё восьмидесятилетие — так неудачно сложились обстоятельства. Но уж восемьдесят пять — отгрохаем!

Будь здоров, дорогой друг, точи педеро, бери бумагу и — строчи! Новых тебе книг, новых дерзаний. Докажи своим читателям, что твой порох не исыкал и не пусты твои пороховницы...

Друзья-писатели.

**Виктор
Балдгоржиев**

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ГЕННАДИИ ДОНЦЕ**

1. Никогда не думал, что сонет Посвящу я памяти твоей... Ты сказал: «Конца у жизни нет!» Оттого и стало жить светлей. Оттого и было мне милей Каждый раз с тобою говорить Оттого и памяти твоей Не могу я строки посвящать. Ведь в степи и в нерчинской тайге Голос твой я слышу вдалеке! Ты был прав — конца у жизни нет...

Ты ушел куда-то далеко, Хоть поверить в это нелегко, Но придешь и скажешь мне: «Привет!»

2. Но придешь и скажешь мне: «Привет!»

И опять мы будем говорить, Что конца у этой жизни нет И судьбу за все благодарить... И подем в солнечную даль, Где тайга без края и конца, Где расчеты, склоки и печаль Не смутят наивные сердца. У костра таежного в тиши Будешь о бессмертии души Говорить со мной наедине. И Веселая розовый рассвет, Повторишь: «Конца у жизни нет!»

Ночь темна. Я плачу в тишине... 3. Ночь темна. Я плачу в тишине, Голос твой услышав сквозь туман, Все твои рассказы о войне Так и недописанный роман... И вернемся в город мы опять, И заглянем в гости невзначай, Старики там будут нас встречать, Как всегда, таежный крепкий чай Бабушка Виктория нальет, А Балябин снова поведет Сказы о далекой старине... Ты ушел куда-то далеко, Мне поверить в это нелегко. Ночь темна. Я плачу в тишине...

8 июня 1996 г.
В 1996 году Геннадий Донце трагически погиб.

Александр
Воинов

Александр Алексеевич Воинов — один из старейших журналистов нашего края. В 1957 году, после окончания Московского университета, он стал сотрудником областной газеты «Забайкальский рабочий». Был корреспондентом, заведующим отделом сельского хозяйства, с 1974 по 1993 год — первым заместителем редактора.

Продолжает трудиться в родной «Забайкалке» и сейчас — возглавляет корреспондентскую сеть. Любимый жанр Александра Воинова — очерк, зарисовка, очерковая статья. Он автор многих материалов о тружениках деревни, их жизни, делах и чаяниях.

Некоторые очерки вышли отдельными изданиями: «Записки сакманщика», «В стороне от большаков» (эта книжка написана в соавторстве с поэтом и коллегой Ростиславом Филипповым), печатались в журнале «Сибирь», включались в коллективные сборники «Люди земли Даурской», «Годы и люди». Материалы поездок по Забайкалью легли в основу книги рассказов «Кочевье», изданной в 1972 году в Иркутске.

В последнее время журналист-ветеран, заслуженный работник культуры России часто обращается к своим старым блокнотам, знакомит читателей с наиболее интересными записями. Его воспоминания публикуются под рубриками «Далеко — близко», «Созидатели», «Юбилеи», «Братья наши меньшие».

Сегодня Александр Воинов рассказывает об одной таежной истории, происшедшей много лет назад.

снегом. Порылись в этой осыпи — ни единой шишки. Целко держались они и на других лесинах, «обстужанных» Николаем. «Ножи у шишек волговатые стали (отсырели, — А.В.). Пока не подсохнут, — колотить бесполезно, — поставил он окончательный диагноз: — Айда лучше в зимовье орехи щелкать».

Но на всякий случай решил стукнуть еще по одной, стоявшей чуть поодаль кедрине. Не дойдя нескольких шагов до нее, остановился вдруг, быстро нагнулся и стал что-то внимательно разглядывать. Позвал нас с Андреем, показал на чьи-то широченные следы с глубокой вмятиной на месте пятки. Потрогал их — свежие. «Михайло Потапыч пожаловал, — определил Николай. — Только что прошел. Он любит наведываться, где шиш-

куют. Как застучат колотом — сразу туда, пропущенные шишки подбирать. Айда, ребята, до хаты! Нам встреча с таким визитером совсем ни к чему».

...Я столь подробно рассказал о некоторых эпизодах из жизни новоявленных шишкобоев потому, что без этого труднее будет воспринимать заключительную часть повествования, в которой говорится о человеке, шишковавшем на пару с... медведем.

...На курорте Кука я познакомился с соседом по палате Владимиром — красночкойским охотником. Очень обрадовался встрече; вот наслушаюсь разных захватывающих историй. Но Володя оказался человеком малоразговорчивым. К тому же, большую часть

валунами хоронится. Смирный медведь попался: ни мне ничего худого не сделал, ни сайбу не трогал. Не пахотный. И я его не беспокоил — вместе шишковать так вместе...

Утром приду к себе на поляну, гляжу — там куча навалена, там, много их... А орехи-то все целехонькие. Так через брохо и прошли нетронутые. Вот тут я и понял, что Михайло совсем беззубый. Раздерет шишку, орехи выберет, а разжевать — нечем.

Полмесяца вдвоем шишковали. Утром приду с зимовья — Михайлы нету: где-то в яме или за валежиной скорчился. Начну колотом стучать, шишку собирать. Наблю куль, понесу в сайбу, а он из своего укрытия высочит и давай подбирать, которые я пропустил.

Как-то сходил я проведать мужиков, которые неподалеку шишковали. Спрашивают:

— Так один и колотишь?
— Почему один? — отвечаю. — Помощник объявился.

— Кто?
— Топтыгин!
— Брешешь?!

Рассказал про старого обеззубешего медведя. Все равно не поверили.

— Не верите, — говорю, — пошла со мной.

Пришли, оглядели медвежий ку-чи.

— Вовка, — говорят, — орех-то отборный. — Пошутили по-мужицки; деликатесом такой орех пойдет: медвежий, нутряной!

...Зато чернику в низинах дочиста высосал. Все поляны черничные облизал. Но, думаю, в холода, однако, околает... Где ж он без зубов жиру-то на всю зиму набирает?!

— Вот такой, — закончил Володя свой таежный рассказ, — был у меня однажды шишкобойный напарник.

ШИШКИ ОТ ТОПТЫГИНА

В семидесятом году новоиспеченные шишкобой — два моих приятеля Николай, Андрей и я — оказались в чийской кедрачке, километрах в сорока от ближайшей деревни Шонуй. Очень уж захотелось весь отпуск пробыть в глухой таежной и немного познать «секреты» древнего промысла. Николай был в нашей мини-бригаде за старшего, поскольку в родных иркутских краях еще подростком начал осваивать шишкобойство. Мы с Андреем — полнейшие неумехи в этом деле.

Рискнули и заключили договор с Мензенским госпромпхозом на добычу стальных килограммов орехов. Запаслись в местной лавке харчишками на первое время (остальные, сказали нам в конторе, будут выдаваться на таежной базе «под будущую продукцию»).

Проводник из Шонуй довел нас до зимовья, показал, где колотить. Основные промысловые массивы были в полтора-двух километрах от избушки. Там на неширокой поляне стояла сайба — добротный срубленный амбар на столбах, куда осыпали шишки, а после обмола их — уже готовые орехи.

Николай как заправский таежник, смастерил мельницу, чтобы рущить собранную добычу. Для извлечения орехов из этой обильной смеси шелухи рядом с сайбой повесили решета.

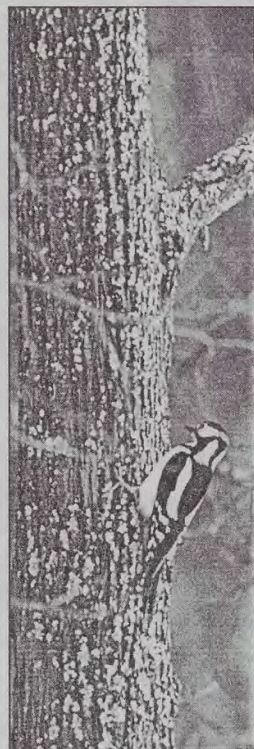
А начал Николай свое бригадирство с сооружения тяжеленного колота (гигантского молота), при умельце и резких ударах которым по стволу с веток густо сыплются смолистые шишки. Получился не ко-

лот, а настоящее произведение деревянного искусства: ведь надо было на редкость точно рассчитать угол запыла фронтальной и ствеса тыльной частей молота, чтобы при ударе на кедринах не разрушалась кора.

И хотя «молот» Николаю удался, изматывались мы на первых порах изрядно. Особенно Николай, потому что взял на себя основные «ударные» функции — а это не бакуши бить. Тяжко! На себе издевал, попытавшись в начальные дни отобрать «хлеб» у Николая. При каждом ударе у меня мгновенно запотевали очки или вообще слетали с переносицы. Оберегая мои худо выходящие «очи», «подельники» до конца сезона отрезали мне от должности «колотушника» и безжалостно перевели в сборщи ки шишек. Наврав широченный, а потому тоже довольно увесистый мешок, я на горбу пер его в сайбу амбар.

Под самый конец договорного срока на наш кедровый Клондайк обрушилась такая пурга, что утром мы кое-как приоткрыли заметенку чуть не доверху дверь зимовья. Что делать — переждать непогоду или попробовать продолжить колотушное дело?

Почти по колено проваливаясь в белые заносы, еле-еле добрались до «рабочего места». Николай, примерившись, со всей силой жакнул колотом по высоченной кедрине. Нас с Андреем с головы до ног осыпало обрушившимся с веток

дня он спал. По дорожкам терренкура не гулял. «В тайге за год так нагуляешься да в зимовье морозные ночи покоротаешь — целый бы месяц без просыпу дрых», — объяснил он мне свой нынешний лежачий образ жизни.

Узнав, что я бывал в тайге, да еще в его родной, чийской, Володя подобрел ко мне, разоткровенничался и поведал одну «медвежью» историю, которую я по горячим следам и записал в свой блокнот. Вот эти странички.

— Не-е, не думаю, что медведи обязательно на стук колота собираются, возле сайб промышляют, — начал Владимир свой рассказ. — Ни разу их не встречал. Был, правда, один случай... Появился у меня как-то «напарник». Привалился на моем участке «шишковать». Совсем без зубов медведь оказался, старый... Я один тогда колотил, он ко мне и пожаловал. Я когда отлучусь — похлебку на обед сварить или в зимовье ночевать уйду, он из своего укрытия выходит и хозяйничает. Я разве все шишки, которые от колота нападают, подберу дочиста? Не станешь же каждую, а они то в мох, то в листья бадана закатятся, отыскать. Кого время задарма терять?! Я лучше новую кедрину обстучу — больше набираю. А он, когда меня поблизости нету, ходит и подбирает, которые я не углядел. Подпицает за мной.

Пока я на поляне, он где-нибудь в буреломе отлеживается или за

Кэико-Хоси ЗАПИСИ ОТ СКУКИ

Эти заметки о пьянстве, написанные японским монахом почти 800 (!) лет назад. Прочтите и вы узнаете себя или своих знакомых.

Много есть в мире непонятного. Непонятны, например, причины, по которым находят интерес в том, чтобы по любому поводу выставлять сакэ и принуждать наливаться им. Лицо пьющего совершенно невыносимо: он страдальчески морщит брови, пытается исподтишка выплеснуть сакэ, норовит сбежать, но его хватают, удерживают, не в меру напеивают — и тогда даже сдержанный человек вдруг делается сумасшедшим и выплывает дураком, а совершенно здоровый на глазах превращается в тяжело больного и падает, ничего не соображая.

Так праздничный день делается отвратительным. У человека до рассвета болит голова, он ничего не ест, лежит, стаяя; о вчерашнем ничего не помнит, как будто это было в другом перерождении. Он пренебрегает важнейшими делами — служебными и личными, и это обращается ему во вред. Тут больно смотреть даже постороннему человеку. Ведь даже люди, кажушиеся

разумными, имеющие благородный вид, выпив, без видимой причины заливаются смехом и шумят, бываю многословны, не обращают внимания на то, что шляпа сбита набок, шуруки на платье развязаны, колени высоко задраны и оголены, в неряшливости своей они и сами на себя не похожи. А женщины откидывают со лба свалившиеся пряди волос, запрокинув bestыжие лица, оглушительно хохочут, хватают других за руки, держащие бокалы с вином. Презренные типы берут закуски, суют ее другим в рот... Здесь творится лишь постыдное и достойное сожаления. А под конец, хватив лишнего, люди сваливаются с обрывов, падают с коней и повозок, ушибаются. Когда же ехать не на чем, то бредут по дороге, шатаясь из стороны в сторону, потом упираются в земляной вал или подворачивают и изрыгают невыразимое; старые монахи с шарфами через плечо, вцепившись в плечо послушника, бредут, пошатываясь и бормоча нечто невнятное, — смотрят на

них невозможно. Ну, будь это занятие таким, которое бы в этой или будущей жизни приносило какую-то пользу, тогда бы делать нечего. Ведь проповедовал же Будда, что «тот, кто, взяв вино, поит другого человека, в течение пятисот перерождений родится бездумным существом».

Но несмотря на то что мы считаем вино таким противным, бывают случаи, когда и самим нам трудно от него отказаться. В лунную ночь, или снежным утром, или же при распустившихся цветах сакуры, безмятежно разговаривая, достать бокалы — занятие, усугубляющее всякое удовольствие. Если в тот день, когда тебя одолевает скука, к тебе неожиданно приходит друг, то приятно бывает и пирушку устроить.

Очень хорошо, когда в доме, где вы чувствуете себя не совсем удобно, какое-то прелестное существо протягивает вам из-за бамбуковой шторы фрукты и вино. Зимой бывает очаровательно где-нибудь в тес-

ном помещении подогреть на огне сакэ и наедине с задумчивыми друзьями пить его вволю. А во время путешествия на стоянке где-нибудь в глухих горах неплохо выпить прямо на дереве, говоря: «А что у нас на закуску?» Очень хорошо так же выпить для восстановления сил тяжело больному. Особенно приятно, когда знатный человек обращается к себе: «Ну еще по одной: этого «молот»! А еще приятно, когда человек, с которым хочешь сблизиться, — любитель выпить и близко с тобою сходитя.

Что ни говори, а пьяница — человек интересный и безгрешный. Когда в комнате, где он спит утром, утомленный попойкой, появляется хозяин, он теряется и с застанным лицом, с жидким узором волос на макушке, не успев ничего надеть на себя, бросается наутек, схватив одежду в охапку и волоча ее за собой. Сзади его фигура с задранной подолом, его тощие волосатые ноги забавны и удивительно вяжутся со всей обстановкой.

ЭТНОС В ГОСТЯХ У «ЧЛ»

В ветвях крадется соболя,
замцряя,
Хребты надежно
держат небосвод.
Откуда я?
Из песенного края.
Кто я такой?
Сын этих гор и вод!

Николай ДАМДИНОВ.

ИЗВЕСТИЯ СЕВЕРА * СЭВЭРНИ ТЭДЭВУН

Скоро пять лет, как делегация звенков Забайкальского и бурятского Севера (вы видите ее на снимке) впервые побывала в Америке и в Канаде. Тогда северяне осуществили поездку благодаря личному приглашению доктора географии, американки Гейл Фондал, ныне ведущего специалиста Северного Университета Канады, автора работ по опе-

должности; укрепление диалога между культурными и коммерческими структурами России и Америки. Вкратце — о Библиотеке Конгресса США, авторе действующей программы "Открытый мир". В 2000 году Библиотеке — этому самому крупному источнику международной информации (на 450 языках мира) исполнится 200 лет (год основания — 1800-ый).

ПО ЗАМЫСЛУ БИБЛИОТЕКИ

неводству витимо-олекминских звенков.

В составе той первой зарубежной делегации звенков были: Наталья Прокольевна Токаренко (Габышева), президент ассоциации малочисленных народов Севера Читинской области, Дарья Петровна Мирнова, руководитель первого в Восточной Сибири Багдаринского центра эвенкийской культуры, охотник и оленевод из Тунгокочена Николай Арунеев и председатель Тунгиро-Олекминской районной ассоциации малочисленных народов Севера Галина Васильевна Абрамова.

И вот новая поездка лидера забайкальских звенков Натальи Габышевой за рубежом, в США — в сентябре-октябре нынешнего года. Она стала возможной потому, что Наталья Габышева — не только национальный лидер звенков, но и выборное должностное лицо (возглавляет администрацию села Чапо-Олого Капарского района). Именно такой контингент россиян становится участником программы "Открытый мир" Библиотеки Конгресса США. С мая нынешнего года программа получила поддержку Конгресса Соединенных Штатов и начала исполняться.

С июня 1999 года участниками программы "Открытый мир" уже стали свыше 2500 граждан России. В интересах программы "Открытый мир" — знакомство россиян с деятельностью американских демократических институтов и политической системой США; взаимосвязь лидеров Америки и России, занимающих выборные

Начинала библиотека свою работу как справочный отдел для законодателей. За первые 100 лет она превратилась в авторитетнейший институт государственного (и мирового) масштаба. Второй век своей жизни Библиотека посвятила тому, чтобы стать законодательной и исследовательской базой Конгресса США, научным центром по сбору мировой информации с 22 читальными залами в трех зданиях Капитолийского холма и одновременно — американским агентством по авторскому праву.

Директором Библиотеки Конгресса США, этой величайшей сокровищницы знаний планеты Земля является Джеймс Г. Биллингтон — педагог, историк, писатель.

"Северный чум" тем более рад сообщить своим читателям эти сведения, поскольку ранее поданная информация некоторых средств массовой информации была или неточной, или неполной. Одновременно поздравляем Наталью Прокольевну Габышеву и всех звенков области, которые через своего лидера так или иначе смогут прикоснуться к полученным ею впечатлениям, знаниям, ощутить результаты этой удивительной поездки в своей реальной жизни.

На снимке 1995 года: делегация звенков Читинской области и Бурятии запечатлена с матерью вождя индейцев Софией (в центре). Она, кстати, родила 15 детей, написала и издала книгу. В свои 78 лет бодро совершает походы, собирает лекарственные травы.

Фото Гейл Фондал, Канада.

Давным-давно это было. Прилетела к нам на Нюкку из других миров проназванная голубым светом Девушка-птица в переличатом разноцветном оперении. Опустилась на землю, сложила крылья на гибкой спине и пошла, утопая в лалбука, во мху вдоль широкой реки. Оглядела черными глазами прибрежный кустарник, деревья,

принесла в наши леса большую весть. В благодарность за это я покажу тебе своих друзей, соседей. Поидем прогуляемся... Вот куропатка белая, багдама хэлаки, а вот глухарь, хорюк, а под скалой, спрятавшись от гнуса, стоит кабарга, микчан.

— Я запомню их. Но скажи, друг Чукичан, Нелегко вам тут живется? Голодно, небось?

Елена Куренная-Берзук

КАК ВОЗНИК НА ЗЕМЛЕ РОД ЭВЕНОВ

СКАЗКА * НИМНГАКАН ПО МОТИВАМ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

скалы и дальние хребты. По всему видно — нравится ей эта земля.

У ног ее — пышный ягодный кумалан, ковер из голубики да брусники. Остается только прилпать губами к ягоде и кормиться. Девушка-птица обошла стороной мелкие, незрелые ягоды, затем вынула царственную шею и призывно крикнула:

— Гули-гули! Гули-гули!

Эхом прокатился голос птицы к дальним сопкам и где-то там затерялся.

— Кири-кри! Кири-кри! — раздалось почти рядом. Девушка-птица вздрогнула от неожиданности, оглянулась. Видит — на большом камне-валуне сидит мудрая птица цвета древесной коры с длинным хвостом. Прямо перед собой на камне разложила отборные сочные ягоды голубики и брусники.

— Рада видеть тебя, милый Чукичан. Спасибо, что подал голос, — приветливо поклонилась заплетающая гостя, и на короне ее голубки заискрились крупины разноцветной чурки, бисера. — Я уж подумала было, что края здешние совсем пустыни. Ягодку никто не берет, рыбу в реке не ловят, зверя не пугает, оленей не седлают. Тихо и безлюдно.

— Да, но откуда ты имя мое знаешь? И как тебя величать, прекрасная эча савра, незнаючка?

— Меня зовут Асаткан-Дэги, что значит девушка-птица. Принесло меня сюда северное облако, туксу. Откуда же имя твоё знаю? На земле моих предков птицу сойку зовут "кикэвки". Вот наши кикэвки и предупредили меня, что их соплеменник далеко к Намитому велитяет иначе: "чукчан".

— Как интересно! Стало быть, вы знаете! Сойки живут и в других краях!.. Ты, красавица,

Ягода, смотрю, и та мелкая, кислая. Такой не наслаждаться!

— О нет, что ты, голубушка! Какой такой голод, когда кедровыми шишками владеем, орехом питаемся. А ягода не везде кислая, зеленая, — громко возразил Чукичан. — На склонах сопки, я это точно знаю, и голубика, и брусника крупная, сладкая. Вот попробуй, утосись, душа моя, Асаткан-Дэги. Вот эти ягоды и принес во-он оттуда, с солнечных увалов. Медовые, так и просеются в клюв.

— Спасибо, Чукичан, за угощение. Девушка-птица легко вспорхнула на камень-валун, приблизилась к Чукичану, подставившему ей под ноги свое крыло, взяла губами две ягодки. Съев их, взмахнула крыльями и улетела на солнечную сторону сопки, на излюбленное место Чукичана.

... А через год к новому урожаю ягод Асаткан-Дэги родила двойню: черноволосях мальчонку и девочку с раскосыми, цвета спелой голубики глазами, с румяными, словно политыми брусничным соком, щечками.

— Эва! Кого это мы видим? — спрашивали друг у друга таежные птицы, глядя с верхушек сопки на малышей. И сами разгадывали:

— Да это, кажись, эври, спустившиеся со склона.

— Или, скорее всего, эвини, обитатели глухариного тока.

— Кто-то? Эври с эвина? Спустившиеся с глухариного тока? — стрекотал, переспрашивая, любящий соек, черношалоный Чукичан.

— Обибаются, друзья! Не эвини мы и не эври, а эвены, самые первые на земле-матушке, — сияя радостью и красотой, возвез-

тила счастливая мать, укладывая деток в берестяную люльку, ба.

Ошеломленный Чукичан узнал в женственной любимую Асаткан-Дэги, а в ее детях — свое ненаглядное потомство.

... В память о своих предках эвены и эвенки никогда не обижают птиц, тем более соек. Увидит охотник на своей тропе сойку, улыбнется, скажет про себя:

— Чукичан чомбидьен? Сойка воркует?

Остановится, не дыша, и долго любуется коричнево-перстрым оперением птицы, ее живым характером. Наблюдает: если сойка весела и кричит громко, смело, значит, быть ему удачливым. Если же в голосе птицы слышны жалаба, тоска — это к беде... Уж в чем-чем, а в предсказании сойка сильна и никогда не ошибается. Она ведь, по поверьям, родилась из коры дерева. Поэтому только ей известны все тайны ветвей дерева, беседующих с ветром, солнцем с небесами...

Если же случится несчастье и охотник нечаянно убивает священную птицу, то быстро, не теряя ни минуты, подвешивает сойку к ветке дерева голубиным хвостом и обязательно расщепляет ей клюв с помощью прутка. Это чтобы приближенная к небу сойка даже в бездыханном состоянии смогла выпросить для жителей тайги и тундры добрую погоду. Чтобы не прогневилась небеса и не послала бы без времени на землю затяжную проливную дождь, засуху или шквальный град...

Здесь же, стоя под распластанной и расквашенной любящей соек, черношалоный Чукичан, любящий соек, черношалоный Чукичан. — Обибаются, друзья! Не эвини мы и не эври, а эвены, самые первые на земле-матушке, — сияя радостью и красотой, возвез-

ПАМЯТЬ * ДЭНКИТ

ДУША СИБИРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Так по прошествии многих десятилетий забвения, замалчивания у себя на родине называет Ельпидифора Иннокентьевича Титова мировая этнографическая наука.

Исполнилось 80 лет с начала его восьмилетней, уникальной по результатам экспедиции по изучению оленных и оседлых тунгусов (1919-1926 гг.). Начинал наш земляк великое дело изучения туземцев Забайкальского Севера, будучи студентом Иркутского Госуниверситета, воспитанником больших ученых-подвижников Бернгарда Петри, Цыбана Жамцарано, Николая Мирнова. Позже работе Е. Титова много содействовали А.К. Кузнецов (Чита) и В.К. Арсеньев (Владивосток-Хабаровск).

Путь экспедиции Ельпидифора Титова охватил Ленско-Киренский, Северо-Байкальский и Витимо-Нерчинский районы проживания тунгусов всех родов и общин. Причем, многие поселения орочен посещены энтузиастом северных троп дважды-трижды. Пройдены тысячи и тысячи верст, записаны тома фольклорных, лингвистиче-

ских материалов, собраны экспонаты, которым до сих пор нет и не может быть цены. Но самым бесценным даром ученого современникам и потомкам стал созданный им и изданный в Иркутске (при содействии Читинского краевого музея им. А.К. Кузнецова) "Тунгусско-русский словарь" с приложением труда М.А. Кастрена. Он явился первым по времени лингвистическим исследованием эвенкийской языковой культуры высокого научного уровня.

Словарь Ельпидифора Титова, как и все его литературно-этнографическое наследие, еще предстоит оценить. Сегодня же, завершая эту юбилейную информацию, признаемся: нам особенно приятно вспомнить добрым словом имя Е.И. Титова именно в этом, литературном выпуске "Северного чума". Поскольку Ельпидифор Иннокентьевич был не только душой этнографа, но и поэзии, литературы. С его именем связано возникновение и деятельность первого Иркутского литературно-художественного объединения (ИЛХО) "Барка поэтов". Титов — один из первых членов

Союза писателей СССР Дальнего Востока.

Признаемся и в том, что в годы работы над северной тематикой (1979-1999 гг.) хозяйке "Северного чума", автору этих строк посчастливилось пройти по многим маршрутам той давней фольклорно-этнографической экспедиции Е. Титова. А в нынешний год удалось значительно пополнить материалы о судьбе нашего выдающегося земляка. Заговорила сама память... Так бывает!

НА СНИМКЕ из личного архива А.М. Казанцевой, племянницы Е.И. Титова, 1936 год.

Это была демоверсия книги - Газета "Чита литературная" за 2000 год

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34